

Информация для цитирования:

Мусаелян Л. А. Реформы 90-х и их экономические и политико-правовые последствия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 39. С. 36–52. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-39-36-52.

Musayelyan L. A. Reformy 90-kh i ikh ekonomicheskie i politiko-pravovyye posledstviya [The Reforms of the 90's and their Economic, Political and Legal Impacts]. Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2018. Issue 39. Pp. 36–52. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2018-39-36-52.

УДК 1:316:34

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-39-36-52

РЕФОРМЫ 90-х И ИХ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Л. А. Мусаелян

Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-0134-5871

ResearcherID: 4762-2017

E-mail: lmusaelyan@yandex.ru

Введение: в статье исследуется влияние реформ 90-х на состояние экономики и политико-правовой системы современной России. **Цели:** проанализировать подлинные мотивы и логику деятельности реформаторов и выявить факторы, обуславливающие возникновение и накопление современных жизненно важных проблем России. **Методологической основой** работы являются принципы материалистической философии, диалектики (развития, всеобщей связи, противоречивости, детерминизма), общенаучные методы анализа и синтеза. **Результаты:** негативные последствия реформ – перманентные экономические кризисы и неэффективные политико-правовые институты управления были предопределены характером и способом осуществления реформ, которые диктовались экономическими и политическими интересами реформаторов и их зарубежных кураторов. Реформы вызвали алиенацию в экономической и политико-правовой сферах общества. В экономике произошло отчуждение собственности от собственника, в политике – народа от власти и власти от народа, в праве – правоприменителей от права. Реформы, как они осуществлялись, были вуалированным, а в ряде случаев демонстративным проявлением правового нигилизма. В итоге Россия в базисе приобрела паразитарную форму олигархического капитализма, мотивированного на вывоз капитала, а в надстройке при формальном существовании многопартийности возникла однопартийная политическая система, фундированная на авторитете лидера. При такой конструкции резко возрастает значение субъективного случайного фактора в общественной жизни, усиливаются риски политической дестабилизации и распада государства. **Выводы:** реформы отбросили страну на полупериферию мир-истории. Для адекватного ответа на современные вызовы, с которыми сталкивается Россия, необходима самодостаточная высокотехнологичная экономика, устойчивая, эффективно функционирующая политико-правовая система, взаимное доверие власти и народа как условие консолидации общества. Для этого нужна иная идеология, чем та, которой придерживаются современные единомышленники реформаторов во властных структурах.

Ключевые слова: реформы; неолиберализм; приватизация; негативные последствия; кризис; отчуждение; политико-правовая система; правовой нигилизм

THE REFORMS OF THE 90's AND THEIR ECONOMIC, POLITICAL AND LEGAL IMPACTS

L. A. Musayelyan

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia
ORCID: 0000-0003-0134-5871
ResearcherID: 4762-2017
E-mail: lmusayelyan@yandex.ru

Introduction: the paper demonstrates the impact of the 1990s reforms on the current state of the Russian economy and political and legal system of the country. **Purpose:** to analyze the real causes and the logic of the reformers' activities, to identify the triggers for the emergence and accumulation of crucial problems of modern Russia. **Methods:** the methodological framework of the research is based on philosophy of materialism, dialectics (development, universal communication, determinism, contradiction), general scientific methods of analysis and synthesis. **Results:** the negative implications of the reforms were predetermined by the nature and specific method of their implementation, dictated by economic and political interests of the reformers and their handlers. The negative implications of the reforms took the form of economic decline and inefficiency of political and legal institutions. Moreover, the reforms intensified the alienation in different areas of society: alienation of property from the owner, alienation of power from the people, alienation of law from executors. The reforms and method of their implementation were a manifestation of legal nihilism, which sometimes was covert, sometimes not. As a result, Russian society acquired a parasitic form of oligarchic capitalism as the basis and essentially one-party political system, based on the authority of the leader, as the superstructure. This organization of society dramatically increases the importance of subjective factors in public life, risk of political destabilization and danger of collapse of the state. **Conclusions:** the reforms threw Russia back to the category of semi-periphery countries. For an adequate response to modern challenges, our society needs to get a self-sufficient high-technology economy, settled and full-fledged political and legal system, mutual trust between the government and the people as a condition of consolidation. It requires an ideology different from that of the reformers' followers.

Keywords: reforms; neoliberalism; privatization; negative implications; crisis; alienation; political and legal system; legal nihilism

Введение

При всей важности политико-правовых институтов в жизни современного социума они тем не менее не являются самодостаточными. Их существование и развитие, как писал один немецкий юрист, «коренятся в материальных жизненных отношениях», которые он назвал базисом государства и права [25, с. 6]. Однако последние (надстройка) не только зависят от экономики, но имеют относительную самостоятельность и, более того, активно влияют на свою основу. Надстройка может содействовать развитию экономики и других сфер общественной жизни, но может превратиться в деструктивный фактор, способствующий углублению кризисных явлений в базисе, а в конечном счете, и самой надстройки [43; 44]. Взаимовлияние экономики и политико-правовых институтов давно стало предметом исследования ученых, в том числе и юристов, как у нас в стране, так и за рубежом [40].

Реформы 90-х и факторы, определившие их негативные последствия

Современное состояние экономики и права в нашей стране характеризуется экспертным сообществом как кризисное [14; 37]. Этот кризис в значительной степени является следствием реформ 90-х. Значение последних выходит далеко за рамки их конкретно-исторических негативных последствий, поскольку они кардинально изменили вектор исторического движения России, типологию политико-правовых институтов, их социальную базу, субъектность, принципы управления всеми сферами общественной жизни. В результате реформ страна открылась миру и постепенно интегрировалась в глобальное экономическое, финансовое, информационное, образовательное и правовое пространство. В то же время вследствие реформ произошел опасный рост финансовой, технологической, продовольственной, лекарственной зависимости России от мирового рынка. Экономические кри-

зисы, периодически происходящие в различных регионах мир-капитализма, опустошительным эхом стали отзываться в России. Конечно, при открытости миру нестабильность на глобальных рынках не может не влиять на национальную экономику любого государства. Однако если принять во внимание тот факт, что два последних мировых кризиса 1998–1999 гг. и 2008–2009 гг. не имели таких последствий, как в России, в КНР, ФРГ, Швеции и других странах, также интегрированных в глобальную экономику, то напрашивается вывод, что причины периодически повторяющихся у нас спадов следует искать в институтах управления страны. Укоренившаяся уже много лет в России практика ручного управления, когда главным автором эффективного решения экономических, социальных, политико-правовых проблем даже в регионах является Президент, указывает на критически низкую эффективность политико-правовых институтов. Между тем, демократия – это правление закона, а не правление человека [10, с. 14]. Если называть вещи своими именами, то можно говорить о кризисе политико-правовых институтов страны.

Значимым фактором, негативно влияющим на состояние экономики страны и в конечном счете на ее политико-правовые институты, является такой компонент надстройки, как идеология российской элиты. Об особенностях постсоветской элиты, которая формировалась в 90-е годы, писалось и пишется много как отечественными, так и зарубежными исследователями [36]. Здесь уместно воспроизвести точку зрения двух авторитетных американских ученых, лауреатов Нобелевской премии по экономике М. Кастельса и Дж. Стиглица. Оба хорошо знали идеологию и технологию проводимых в России реформ, мировоззрение и профессиональные качества реформаторов. «Экономика потерпела крушение, – отмечает М. Кастельс, – вследствие спекулятивных маневров номенклатуры ради собственной выгоды, вследствие безответственных рекомендаций о введении абстрактной политики свободного рынка со стороны Международного валютного фонда, некоторых западных советников и политически неопытных экономистов. Все это привело к невыносимым страданиям народа. Криминальная экономика выросла до пропорций невиданных в крупной индустриальной стране, связываясь с мировой криминальной экономикой и становясь фундаментальным фактором, с которым нужно считаться как в России, так и на международной арене» [15, с. 490].

По мнению Дж. Стиглица, идеология неолиберализма с ее макроэкономической стратегией «Вашингтонского консенсуса», реализо-

ванная в России в 90-е годы, обернулась экономическим упадком, массовым обнищанием населения, критическим социальным расслоением общества. Если в 1989 г. только 2 % россиян жили в бедности, то к концу 1998 г. таких было уже 23,8 % (при критерии 2 дол. в день). Если же взять критерий существования менее 4 дол. в день, то бедные составляли более 40 % населения [35 с. 187]. «Россия, – заключает американский ученый, – обрела самое худшее из всех возможных состояний общества – колоссальный упадок сопровождаемый столь же огромным ростом неравенства» [35, с. 188]. И это, как отмечает Дж. Стиглиц, происходило во всех странах, где США удавалось навязать идеологию рыночного фундаментализма. В тех же странах, где не прислушивались к советникам из МВФ и Уолл-стрита, ситуация, как показывает ученый, оказывалась совершенно иной. В этой связи Дж. Стиглиц сравнивает модернизацию в Китае и реформы в России. В Китае программа модернизации разрабатывалась собственными силами. В результате «если в 1990 г. ВВП КНР составил 60 % от российского, то к концу XX в. соотношение стало обратным. В то время как в России произошел беспрецедентный рост бедности, в Китае беспрецедентное сокращение бедности» (на 150 млн человек. – Л. М.) [35, с. 24]. По авторитетному мнению американского экономиста, такие совершенно разные последствия реформ в Китае и России вполне закономерны, ибо «программа либерализма не была программой роста, она создавала условия для деградации, шло обдирание активов и вывоз капитала» [35, с. 176].

Негативные последствия реализуемой идеологии усугублялись еще субъективными особенностями самих российских реформаторов. Как отмечает Дж. Стиглиц, США сделали ставку на лидеров России, которые оказались или некомпетентными, или коррумпированными или одновременно и тем, и другим [35, с. 224].

В начале нулевых годов новый Президент России публично дистанцировался от реформаторов 90-х, исповедующих рыночный фундаментализм. Тем не менее правительство страны, состоящее преимущественно из либералов, продолжало применять исключительно монетаристские методы управления экономикой. В результате Россия, не успев выйти из одного кризиса, погружалась в другой. Если продолжить сравнение экономического развития России и Китая за последние шестнадцать лет, то очевидно еще большее отставание нашей страны. Так, если в конце 90-х ВВП Китая превышал ВВП России на 40 %, то уже в 2015 г. превосходство экономики Поднебесной над экономикой своего

северного соседа по этому показателю стало почти девятикратным. В абсолютных цифрах эти показатели составляли 10,8 трлн дол. – 2-е место в мире и 1,23 трлн дол. – 12-е место [49]. С 1990 по 2014 г. российский экспорт высокотехнологичной продукции (ВТП) вырос по объему в 4,5 раза (до 9,8 млрд дол.), а китайский – в 130 раз (558,6 млрд дол.). По оценкам Всемирного банка, в 2014 г. доля КНР в мировом экспорте ВТП составила 26 % против 7,3 % у США. Доля России за эти годы не изменилась и составила меньше полпроцента (0,46 %). Иначе говоря, Китай поставляет на мировой рынок ВТП в 57 раз больше, чем Россия [52]. Успехи Китая являются результатом активной инвестиционной политики. В 2015 г. банковские кредиты предприятиям достигли 18,8 трлн дол. (170 % ВВП) при ключевой ставке Центробанка 2,25 % и средней ставке коммерческих банков 4,4 % [61]. Для сравнения – ключевая ставка российского ЦБ в 2015 г. составляла в начале года 17 %, в конце – 11 %, в коммерческих банках проценты по кредитам были намного выше [34]. Санкции, с одной стороны, кредитная политика, с другой – душили экономику России. Важно отметить также, что за более чем тридцать лет реформ даже в период мировых кризисов (1997–1998, 2008–2009) Китай показывал стабильно высокие темпы экономического роста, чего нельзя сказать о России. Сравнение результатов реформ в России и Китае дает основание для однозначного вывода об эвристическом потенциале неолиберальной идеологии и качестве сложившейся системы управления в нашей стране.

Далеко не случайно, как отмечают многие исследователи, автор китайских реформ Дэн Сяопин был противником преобразований страны на основе идеологии либерализма [45; 47; 50].

О некоторых причинах правового нигилизма в России

Реформы 90-х не только способствовали формированию специфической социально-экономической реальности, но и оказали существенное влияние на общественное сознание вообще и правовое в особенности. Реформаторы, мотивированные на быстрое разрушение базиса социализма, предполагаемое ранее разгосударствление собственности свели к ускоренной ее распродаже за бесценок людям, стоящим близко к власти. Можно сказать, что отчуждение собственности от собственника в пользу корпоративно-властных структур была сущностной стороной перехода страны от «советского тоталитаризма» к «свободной демократической России». И это стало значимым фактором распространения правовой алиенации

в России. Отчуждение в сфере права проявилось прежде всего в отношениях власти и народа. И здесь мы вынуждены снова обратиться к свидетельству Дж. Стиглица. «...Часть российских рыночных реформаторов (как и их западные вдохновители и советники) не очень верили в демократию и не слишком были заинтересованы в ней, опасаясь, что если доверить выбор российскому народу, то он может сделать “неправильный” выбор, иными словами, выбрать не их модель» [35, с. 168]. Демонстративное пренебрежение мнением и интересами народа, исключение его из процесса законотворчества свидетельствовало об отчуждении власти от народа, субъекта права от объекта.

Политико-правовое отчуждение является двусторонним процессом. Если при законотворчестве не учитываются интересы народа, а сам народ отстранен от правотворчества, т. е. «гарантированной возможности реализовывать свои потенции-притязания в социально значимой форме, со значимым для социума результатом, тогда неизбежно отчуждение народа не только от власти, но и от права» [10, с. 17]. В этом случае народу нет дела ни до государства, ни до права, у него отпадает всякое желание участвовать в политико-правовых процессах и влиять на них. Отсюда и возникновение социальной апатии, абсентизма, ставшими обыденностью современной России [20].

Отчуждение субъекта права от объекта, с одной стороны, правоприменителя от субъекта законотворчества – с другой, есть выражение острого алиенационного противоречия, которое является значимым фактором массового сознательного уклонения граждан от исполнения норм права, регулирующих жизнедеятельность индивидов в обществе. Так, в 2014 г. было зарегистрировано 2 166 399 преступлений, а в 2015 г. – 2 352 098. По экспертным оценкам, цифры реальной преступности в разы отличаются от регистрируемых [19].

Правовой нигилизм в России – сложное многофакторное явление, обусловленное цивилизационными и историческими особенностями становления и развития русского государства, сопоставимо с западными странами правовой культурой населения и т. д. Однако на сегодняшний день существенными причинами высокого уровня правонарушений в стране, согласно аналитике, являются отчуждение между массовым правоприменителем и существующим в стране правом, а также перманентно повторяющимися с 90-х гг. экономическими кризисами. Алиенационное противоречие порождает правовой нигилизм не только внизу, но и вверху во властных структурах разного уровня. Люди, по

своему статусу призванные разрабатывать законы общественной жизни, следить за тем, чтобы они строго выполнялись, нередко сами нарушают их. Невольно вспоминается известная мысль Маркса: «Буржуа относится к установлениям своего режима, как еврей к закону: он обходит их, поскольку это удастся сделать в каждом отдельном случае, но хочет, чтобы все другие их соблюдали» [28, с. 168].

Правовой нигилизм и формирование паразитарного олигархического капитализма

Сами реформы в той форме, в которой они проводились в 90-х гг. новыми властями России, были ничем иным как вуалированным, а в ряде случаев открытым проявлением правового нигилизма. «Приватизация, проведенная посредством залоговых аукционов, – отмечает Дж. Стиглиц, – была политически незаконной. Олигархи не имели законных прав собственности и поэтому поспешно выводили из России деньги» [35, с. 194]. Понятно, точка зрения российских либералов на события тех лет иная. Однако оценка правового экспертного сообщества нашей страны совпадает с точкой зрения американского ученого. Приватизация, отмечают аналитики, носила неправовой характер не только «из-за нарушения действующего законодательства, но прежде всего из-за неправового характера самого законодательства» [10, с. 18]. Неправовой характер приватизации породил нелегитимную собственность, а она, в свою очередь, мощную мотивацию к вывозу капитала. Словом, неправовая приватизация (иначе, правовой нигилизм) способствовала возникновению паразитарной формы использования ресурсов [10, с. 18]. У немалой части собственников и чиновников России сформировалась психология временщиков, не думающих ни о перспективах своего бизнеса, ни о будущем своей страны.

Об этом свидетельствует недопустимо низкая инновационная активность российских компаний. Так, если в 2009 г. инвестиции в НИОКР только у одной GM составляли 9 млрд дол., то совокупные траты крупных российских компаний на эти цели равнялись 800 млн дол. [31]. Как отмечают исследователи, ни у государства, ни у бизнеса нет внутреннего интереса к инновациям и модернизациям. В рейтинге по мировому инновационному индексу Россия в 2013 г. занимала 64-е место из 132 стран [18, с. 9]. Начавшийся в 2014 г. новый экономический кризис и санкции Запада, понятно, не способствовали улучшению ситуации в сфере инновационной деятельности. Если в 2016 г. в США инвестиции в НИОКР составляли 456,9 млрд дол., в КНР – 336,5 млрд дол., то в России –

40,7 млрд дол. [60]. При несопоставимых тратах на НИОКР эффективность работы российского инновационного фонда была в 112 раз ниже американской [31]. В немалой степени низкая эффективность инновационных и модернизационных программ обусловлена высоким уровнем коррупции [7; 38]. Выводя деньги из страны, российский бизнес следует примеру своего правительства, где, как уже отмечалось, ключевые посты продолжают занимать неолибералы. Согласно публичным заявлениям экс-министра финансов А. Кудрина, государство с 2000 по 2008 г. выручило от экспорта углеводородов 1 трлн дол., из которых почти половина – незапланированные доходы от повышения цены на нефть. «Нефтедолларовый дождь» позволял провести реиндустриализацию России, и если не догнать технологически развитые страны, то во всяком случае существенно сократить отставание от них. Однако правительство, слепо следуя рекомендациям МВФ, вело «стерилизацию» полученных денег, вкладывая их в ценные бумаги США и европейские банки. Выводя деньги за проданные природные богатства страны, российское правительство вместе с олигархами фактически инвестировало экономику геополитических противников России вместо того, чтобы выводить собственную из глубокого кризиса. Даже в настоящее время, когда США фактически объявили экономическую войну России, последняя держит у геополитического противника почти 109 млрд дол. [56]. Надо признать, что истоки этой довольно странной формы патриотизма берут начало в 90-х гг. В результате реализации такой политики в последние пятнадцать лет в стране не только не была создана инновационная конкурентноспособная экономика, соответствующая статусу России как великой державы, но и произошла дальнейшая деградация базисной сферы общественной жизни [7]. Для сравнения – Китай за годы реформ из технологически отсталой страны превратился в крупного экспортера информационно-технологической продукции (39 % мирового рынка) [60].

Справедливости ради следует отметить, что в последнее время у руководства страны возникло осознание необходимости корректировки проводимого курса. Откровенно враждебная антироссийская политика, проводимая в последние три года США и их союзниками, принятые ими в нарушение международного права экономические санкции, нацеленные как в годы «холодной войны» на превращение России в технологическое гетто, кажется, отрезвили российскую политическую элиту [29]. В ответ на политику финансового и технологического удушения России властями была провозглашена

политика импортозамещения, объявлены контрсанкции, увеличена финансовая помощь аграрному и фрагментарно некоторым другим секторам реальной экономики. Однако проблемы, накопившиеся за 20-25 лет в экономике страны, не могут быть преодолены принятием паллиативных мер. Но смогут ли люди, исповедующие неолиберальную идеологию, «выдернуть» Россию из той глубокой колеи, ведущей на периферию мир-истории, куда загнали их единомышленники в начале 90-х гг., – большой вопрос.

Точно так же возникает вопрос по поводу политики бизнес-сообщества. Может ли «компрадорская буржуазия», сформировавшаяся в 90-х гг., изменить свою ментальность, увязать будущее свое и своих детей с Россией? Вопрос риторический. Так, если в разгар кризиса в 2015 г. ВВП страны уменьшился на 3,7 %, то прибыль предприятий возросла в 1,5 раза по сравнению с относительно благополучным 2014 г., когда нефть стоила более 100 дол. за баррель. По отдельным секторам экономики прибыль возросла от 4 до 17 раз [41, с. 164]. Финансовое процветание компаний в условиях кризиса и падения производства эксперты объяснили бесконтрольным вздуванием цен предприятиями, в том числе государственными, на товары и услуги. Несмотря на резкий рост прибыли и накоплений у предприятий и банков, инвестиции в основной капитал в 2015 г. упали на 8,4 % [41, с. 164]. Полученные средства предприятия использовали в спекулятивных операциях. Прибыль компаний от такой деятельности в 2015 г. возросла в 9 раз [41, с. 164]. По сложившейся с 90-х гг. традиции деньги бизнес-сообщество выводило из страны. По данным Счетной палаты, с 2013 по 2015 г., т. е. с начала и в разгар последнего экономического кризиса, из страны через фиктивные экспортно-импортные сделки было незаконно вывезено 1,2 трлн руб. [12]. Повышение цен на товары и услуги при попустительстве государства, а также деятельность ЦБ по удешевлению рубля с целью активизации экспорта способствовали росту инфляции, снижению реальной заработной платы и повышению уровня бедности населения. Фактически основную тяжесть кризиса власть перекладывает на население. Насколько такая политика государства согласуется со статьей 7 Конституции страны, признающей Российскую Федерацию социальным государством, это большой вопрос.

Реформы и их влияние на политико-правовые институты страны

Реформы 90-х гг. вызвали не только алиенацию в сфере права, но и деформацию всей системы политико-правовых отношений в пост-

советской России [23]. Здесь уместно отметить два момента. Разгосударствление собственности в той форме, в какой оно было проведено, не могло произойти при сильных государственных институтах и эффективно работающих правоохранительных органах. Поэтому агрессивная кампания, поднятая в СМИ, по дискредитации государственных учреждений, вооруженных сил, правоохранительных органов страны явилась необходимым условием развала Советского Союза, а затем и отчуждения собственности у собственника. Очернение политико-правовых институтов привело к массовому исходу из этих учреждений честных, профессионально подготовленных работников. Тому способствовала и унижительная заработная плата. На их место пришли случайные, малопригодные по своим профессиональным и морально-психологическим качествам люди. Осуществлялся не отбор, а набор работников, среди которых оказывались потенциальные оборотни в погонах – люди прямо или опосредованно связанные с криминальными кругами. Словом, реформы 90-х привели к существенному изменению качественного состава работников, занятых в политико-правовых (особенно правовых) институтах страны. Злоупотребление служебным положением, коррупция, преступления стали нередким явлением в российских правоохранительных учреждениях. С целью очищения милиции от оборотней различных мастей и повышения эффективности ее работы в 2009–2011 гг. по инициативе Президента страны была проведена реформа МВД, которая обошлась бюджету в 2 млрд руб. [32]. Однако события последних лет дают основание считать, что наиболее значительные результаты реформ выразились в основном в сфере семантики [42]. Частота громких скандалов и арестов далеко не рядовых сотрудников полиции с изъятием у них баснословного количества денег и ценностей указывает на то, что болезнь, приобретенная правоохранительными органами в 90-е гг., имеет хронический характер и не может быть купирована косметическими процедурами.

Право, как, впрочем, и преступления, т. е. борьба отдельных индивидов против утвержденных государством господствующих отношений, не возникают из чистого произвола. Они, в конечном счете, определяются существующим базисом и обусловленным им уровнем развития культуры общества [27, с. 19; 28, с. 322–323]. Поэтому кризис правовых институтов сигнализирует о системном кризисе общества в целом, всех сфер общественной жизни. Заметную лепту в изменение качественного состава правоохранительных органов (и не только

их) внесла также реформа образования, принятая в 90-е гг.

Преобразования в образовании и науке, как видится автору этих строк, были скоррелированы с целями реформ в экономике. Такая корреляция не была случайной, поскольку обе реформы были продиктованы одной и той же идеологией неолитерализма. С этих позиций образовательные учреждения – это субъекты экономической деятельности, которые в условиях рынка вынуждены жестко придерживаться принципа – минимум издержек, максимум прибыли. Следование этому принципу привело к дегуманизации, дегуманитаризации образовательного процесса, существенному сокращению в нем теоретических дисциплин, являющихся фундаментом качественной профессиональной деятельности. Результаты реформ не замедлили сказаться на уровне российского образования, в том числе и юридического. К концу нулевых годов, согласно тогдашнему руководителю Минобрнауки А. А. Фурсенко, из 700 тыс. ежегодно выпускаемых юристов лишь 7–10 % имели надлежащую квалификацию [9].

Реформы российского образования сопровождались не только дегуманитаризацией и дегуманизацией учебного процесса, но и элиминацией из него воспитательного, культурологического и мировоззренческого компонентов. По авторитетному мнению В. Зорькина, исключение задач воспитания из системы образования и превращение ее в сферу образовательных услуг способствовало разрушению общекультурной моральной нормативности, исчезновению в массовом сознании постсоветских стран притягательного образа будущего и, в конечном счете, создало благодатную социальную базу для вербовщиков терроризма, показывающих молодежи «подлинный смысл жизни», который она не находит в окружающей социальной реальности [11]. Реформы 90-х радикально изменили смысловые ценности, установки, образ мысли и жизни людей. Деньги превратились в высшую ценность, а погоня за ними и их накопление в смысл жизни. Коллективизм, подвижничество, солидарность были постепенно вытеснены индивидуализмом, эгоизмом, подозрительностью и агрессией в отношениях между людьми. Можно сказать, что в результате реформ фактически произошло изменение цивилизационного кода России.

Современная новая социальная реальность формирует у молодых россиян новые смысловые ценности, установки и мотивы служебной деятельности. Поэтому среди выпускников российских вузов есть немало таких, которые поступают на работу в правоохранитель-

ные, правоприменительные органы и во властные структуры, имея принципиально иную служебную мотивацию, нежели таможенник П. Верещагин из известного советского фильма «Белое солнце пустыни». Если успешность и значимость человека определяются количеством денег, которыми он владеет, то у него возникает мотив рассматривать государственную службу как властный ресурс, дающий возможность повысить свое благосостояние и социальную значимость. Незаконное обогащение на государственной службе понимается как экономическая рента за работу на государство. Ему, в отличие от таможенника Верещагина, за державу не обидно, ведь каждый обогащается как может. Понятно, что чем выше статус работника, тем больше получаемая рента. Поэтому карьерный рост приобрел четко выраженную экономическую мотивацию. Профессионализм как фактор вертикальной мобильности все более вытесняется протекционизмом, обусловленным родственными или корпоративными связями, а то и практикой купли должностей.

Очевидно, что капитализация бюрократии невозможна без сращивания интересов определенной части бизнес-сообщества и представителей властных структур. Поэтому капитализация бюрократии дополняется бюрократизацией капитала [10, с. 18]. Это проявляется не только в возрастающем влиянии капитала на власть, но и активном привлечении представителей бизнес-сообщества в управленческие институты [2; 17]. Принято почему-то считать, что успешный бизнесмен обязательно должен быть эффективным чиновником.

Между тем мотивы деятельности предпринимателя и «слуги народа» различны, если не диаметрально противоположны. Первый, преследуя собственные интересы, озабочен повышением своего благосостояния. Второй обязан прежде всего руководствоваться интересами народа и обеспечивать условия для его благополучного существования. Критерии определения эффективности деятельности бизнесмена и чиновника тоже различны. Если предприниматель руководствуется принципом: минимум издержек и максимум прибыли, то применение этого рыночного подхода при управлении, скажем, системой здравоохранения и образования, как показывает российский опыт, контрпродуктивно. Бизнесмену, поступившему на государственную службу, сложно перестроиться и отказаться от привычных принципов и мотивов деятельности. Резонансные уголовные дела, возбуждаемые в последние годы против чиновников различного ранга, свидетельствуют о том, что вчерашний бизнесмен, став главой города

или субъекта Федерации, продолжает заниматься привычным делом – зарабатывать деньги. Выбор между уважением закона и быстрым обогащением не всегда делается в пользу права. А если на кону большие деньги, как показал Маркс, даже осознание неотвратимости сурового наказания не останавливает буржуа от преступления [26, с. 770]. Подобный выбор в немалой степени обусловлен и сложившейся в стране нравственной атмосферой, о чем говорилось выше. Капитализация бюрократии и бюрократизация капитала являются одной из причин снижения профессионализма и качества работы управленческих структур. Но в то же время такое сращивание дает политической элите и ее партии конкурентные преимущества во время выборов. Давно подмечено, что привлекать голоса избирателей через работодателей более выгодно, чем напрямую их покупать [48].

Как было показано, реформы привели к преобразованию базиса, а это, в свою очередь, способствовало изменению надстройки. Однако, если вспомнить научную методологию исследования политико-правовых институтов, надстройка не только зависит от базиса, но имеет относительную самостоятельность и активно влияет на базис.

Необходимо отметить, что экономическим реформам предшествовали драматические события сентября-октября 1993 г., закончившиеся расстрелом Верховного Совета РСФСР. Как справедливо отмечал А. Ципко, разгон парламента не был «конфликтом внутри народа, а представлял разборку правящих слоев между собой. Ельцин и Гайдар хотели немедленных и тотальных реформ, включая приватизацию “нефтянки”»: Парламент был за постепенные реформы» [3]. Но дело не только в этом. Расстрел парламента был логическим продолжением Беловежских соглашений (08.12.1991), положивших начало ликвидации СССР. Этот документ, инициированный российской либеральной политической элитой и подписанный руководителями трех советских республик, объявлял о прекращении существования Советского Союза как субъекта международного права и геополитической реальности. Фактически это означало государственный переворот. Соглашение было ратифицировано Верховным Советом России, но трижды отклонено VI Съездом народных депутатов, что не позволяло ему обрести юридическую силу. Возникшее противоречие между Президентом и его близким окружением, с одной стороны, и народными избранниками – с другой, было разрешено Ельциным расстрелом парламента из танковых пушек. Спустя много лет, когда дым танковых орудий и информационный туман рассеялись, стали извест-

ны многие факты. Во время тех событий погибли сто пятьдесят и были ранены около четырехсот человек. Обнаружилось также, что в драматических событиях конца сентября – начала октября 1993 г. в Москве неявно участвовала и третья сторона. Хорошо известно, что «санкцию» на расстрел своего парламента российский Президент получил из Вашингтона. Это и объясняет, почему мировые «демократические» СМИ почти ничего не писали о недемократических действиях российских демократов. Кроме того, во время взятия российского Белого дома, как и во время «цветных революций», действовали неизвестные снайперы, стрелявшие и с крыши американского посольства. Могли ли вооруженные люди попасть на крышу посольства без ведома американцев – вопрос риторический. Стрельба велась как по военнослужащим, так и по защитникам парламента [3]. Очевидно, целью организаторов первой цветной революции в России было разжигание большой кровопролитной гражданской войны.

И, наконец, еще один симптоматичный факт. После подписания Беловежских соглашений Б. Ельцин сразу проинформировал (логичнее сказать, доложил) об этом Д. Бушу. Это означает, что свою деятельность по демонтажу существующей политической системы (затем и базиса) страны новая политическая элита России согласовывала со своими заокеанскими кураторами. Впрочем, точно так же ведет себя борющаяся за власть современная несистемная оппозиция России.

Вернемся, однако, к событиям начала октября 1993 г. Оценивая их, А. Ципко отмечает: «Россия была единственной страной Восточной Европы, которая достигла цели (перехода от социализма к капитализму. – Л. М.) путем крови» [3]. Как известно, Президент категорически отказался извиняться перед народом за пролитую кровь. «С тех пор как Ельцин в 1993 году расстрелял парламента, – указывает А. Ципко, – пролегла пропасть между народом и властью. Отношение к власти у народа сложилось такое, будто она к нему никакого отношения не имеет» [3]. Это и понятно, ведь отношение самой власти к народу было демонстративно безразличным, что проявлялось не только в 1991, 1993 гг., но и на президентских выборах 1996 г., когда благодаря фальсификации итогов голосования на выборах Б. Ельцин продлил еще на один срок свои президентские полномочия.

Особенности политической системы современной России

События начала 90-х гг. свидетельствуют о том, что первые исторические значимые для судьбы страны действия новой российской по-

литической элиты выходили далеко за пределы правового поля и общественно-политического консенсуса. Это породило взаимное отчуждение народа и власти, что, в свою очередь, определило особенности Основного закона страны и формирующейся политической системы.

Существовавшее обоюдостороннее отчуждение между властной либеральной элитой и народом не давало особых оснований полагать, что в новом парламенте большинство получат сторонники Президента. Основной закон страны писали идейные и политические сторонники Ельцина. Отсюда фактически неограниченные полномочия Президента и почти беспартийный парламент. Для противостояния оппозиции Б. Ельцин и его окружение нуждались в мощной политико-правовой дубинке, и они ее получили. Очевидно, что властная политико-правовая асимметрия имеет мало общего с демократией, но зато она гарантировала сохранность власти Б. Ельцина и, надо признать, способствовала установлению в стране относительной политической стабильности. Созданную политическую конструкцию Г. Хейл называет «президентальной». Она облегчает «патрону» удерживать власть и согласовывать интересы различных элитных групп в рамках авторитарной конституции. Последствия «патронализма» – коррупция, низкий социальный капитал, неуважение права, nepотизм [51]. С выводами американского исследователя трудно не согласиться.

Вероятно, не без влияния зарубежных советников в Основной закон страны был внесен принцип приоритета прав человека. Как отмечает В. В. Лапаева, этот человекоцентристский принцип не подкреплен конкретной юридической догматикой, которая носит системоцентристский характер [21, с. 148; 22]. То же самое можно сказать относительно провозглашения Конституцией России социальным государством. Декларативный характер конституционных норм, которые затрагивают жизненные интересы абсолютного большинства населения, отражает подлинное отношение либеральной элиты и ее идеологов к народу. И спустя много лет после принятия Конституции эксперты отмечают, что «материальный, психологический, организационный фундамент равноправия, реализации прав и свобод не корреспондирует конституционным положениям» [1, с. 2]. Это означает, что возникший еще в начале 90-х гг. раскол общества не преодолен. Как заключает известный российский конституционалист, «в создании необходимой гармонии в обществе роль нашей Конституции пока что исключительно скромна» [1, с. 2].

В условиях существования взаимного отчуждения между большей частью социума и властью последней предстояло осуществить очень чувствительные для населения реформы в экономике, здравоохранении, образовании, ЖКХ и т. д. Проведение этих реформ было невозможно без существования в представительных органах страны собственных или идеологически близких к новой власти политических партий. Но традиционный метод продвижения своих партий во власть в существующих политических реалиях не гарантировал успеха. Поэтому в постсоветскую эпоху партии власти стали создаваться и продвигаться в парламент страны «сверху». В этой связи, как отмечают исследователи, российские партии, организованные элитой, «призванные представлять интересы социума во власти, оказались властеобразовательными, а не властеобразующими структурами. Выражают не столько интересы общества в системе госвласти, сколько интересы власти в обществе» [10, с. 18].

Реформы способствовали обнищанию населения, росту численности протестного электората, возрастанию левых настроений в обществе. Это, как продемонстрировали результаты президентских выборов 1996 г., могло привести к завоеванию большинства мест в парламенте оппозиционными партиями. Чтобы исключить такой ход событий, накануне избирательных кампаний также «сверху» «сколачиваются» разнообразные постмодернистские партии-предприятия, партии-фантомы, представляющие преимущественно самих себя [4]. Количество и активность таких партий в период выборов резко возрастают. Создание этих политических симулякров, как представляется, преследует две цели. Создать видимость существования политической конкуренции и реального выбора у электората. Но главная их задача – блокирование всякой возможности получения в парламенте политически значимого количества мест той партии, которая в случае прихода к власти радикально изменит внутреннюю социально-экономическую политику правительства. Для решения указанной задачи «партии-головастики» занимаются фрагментацией электорального поля политической оппозиции, раскалывают ее ряды, дезориентируют избирателей (через гиперактивность партий-клонов) и т. д. В результате подобной деятельности постмодернистских партий, перманентной корректировки (в зависимости от политической ситуации) закона о выборах и партиях, использования административного ресурса политической элите страны удастся в течение многих лет обеспечить партии власти абсолютное большинство в

Государственной думе. Это позволяет властвующей политической (и экономической) элите без трудных переговоров и согласований проводить через парламент любые законопроекты, которые готовятся в администрации Президента и правительства.

В свете изложенного можно сделать вывод, что политическая система современной России формально многопартийна, но фактически монопартийна. В условиях капитализма и существующего социально-экономического расслоения общества однопартийная система – нонсенс. Она свидетельствует о наличии противоречия между базисом и надстройкой. Но противоречие это внешнее, формальное. Сформировавшаяся надстройка есть выражение особенностей существующего базиса, возникшего в ходе реформ 90-х гг. «В результате “кавалерийской атаки” на общественную и государственную собственность, – отмечает А. Фролов, – российское общество получило олигархический маргиналитет, представляющий торгово-спекулятивную (по классификации М. Вебера) или паразитарную (М. Мусин) форму капитализма и абсолютно лишенный мотивации к реальной экономике и производству» [39, с. 81]. По мысли автора, социальной базой, властвующей в стране, политической надстройки является привилегированное сословие, существующее вне общего для России правового измерения, которое в сфере бизнеса занято производством «псевдоэкономических химер, связанных с манипуляцией акциями, ценными бумагами, биржевой игрой и “распиллом” остающейся в руках государства собственности» [39, с. 81].

Опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что в своей массе россияне характеризуют сложившийся в стране строй как «олигархический капитализм», а две трети опрошенных считают, что проводимая государством политика не отвечает интересам большинства населения [6; 13].

Одной из особенностей современной политической системы является всеобщая безответственность. Ни правительство, ни Государственная дума, ни Президент, ни депутаты ответственности перед избирателями не несут. Народ фактически лишен каналов влияния на власть. И это одна из причин низкой эффективности управленческих институтов.

Правительство не зависит от избирателей. Государственная дума за деятельность правительства ответственности не несет, ибо не она его формирует, это прерогатива Президента. Президент и правительство при утверждении принимаемых решений опираются в парламенте на «Единую Россию». Но основатель и до не-

давнего времени председатель этой партии не является ее членом. Это политическое «ноу-хау» позволяло высшему представителю законодательной и исполнительной власти в зависимости от политической ситуации дистанцироваться от своего «политического детища», почти безоговорочно поддерживающего курс правительства.

Депутаты Государственной думы также мало зависят от избирателей, разве что во время выборов, да и то лишь отчасти [30]. Переход от пропорциональной системы выборов к смешанной радикально не изменил эту ситуацию. Согласно современной Конституции РФ, у избирателя нет права на отзыв депутата. Во всех конституциях СССР и РСФСР такая норма существовала [33, с. 375]. Отсутствие зависимости депутата от избравшего его населения, как отмечал известный правовед В. М. Гессен, предполагает недееспособность народа и отрицание народного суверенитета [5, с. 141]. Недоверие авторов Основного закона страны к его населению отражает отчужденное отношение российской политической элиты к своему народу, возникшее в начале 90-х гг. Сохранение этого недоверия в настоящее время играет деструктивную роль. Проблема отношений депутата и избирателей, как отмечал В.П. Реутов, была предметом рассмотрения Конституционного суда РФ, который в своем постановлении от 12 апреля № 9-П указал, что депутаты должны руководствоваться Конституцией РФ и своей совестью [33, с. 375]. Однако в обществе, где все продается и покупается, совесть уже давно стала дефицитным и очень ликвидным товаром. Поэтому нередко среди депутатов (всех уровней) появляются люди, которые свою депутатскую деятельность рассматривают исключительно как коммерческий проект. Отсутствие зависимости депутатов от избирателей оказывается фактором, негативно влияющим на качественный состав депутатского корпуса. Отсюда постоянно фиксируемый социологами высокий уровень недоверия населения к Совету Федерации, Госдуме, политическим партиям [6; 8].

В сложившейся политической системе России особое место занимает Президент страны. Это определяется, во-первых, чрезвычайно широкими его полномочиями, гарантированными Конституцией РФ; во-вторых, личными качествами В. В. Путина, которые разительно отличают нынешнего лидера России от его непосредственных предшественников, а также современных политических деятелей. Абсолютное большинство россиян положительно оценивают его деятельность, ассоциируя ее преимущественно с внешней политикой страны. Для

большинства граждан России В. В. Путин успешный политик мирового уровня, последовательно отстаивающий национальные интересы нашего государства на международной арене. Похоже, что такое понимание народом роли руководителя страны является национальной традицией. «Царь...», – отмечает Г. Киссинджер, – рисовался олицетворением борьбы России против врагов, окружающих ее со всех сторон» [55]. Кроме того, для многих россиян Президент – последняя надежда в противостоянии с произволом чиновников и «беспределом» работодателей. В этой своей деятельности он защитник традиционных русских ценностей – правды и справедливости, свойств, которыми народ наделял императора. Если ориентироваться на подконтрольные государству СМИ, фигура Президента в глазах многих россиян приобрела почти сакральный характер. Не без помощи СМИ в общественном сознании народа отсутствует понимание того, что Президент – это высшее должностное лицо и исполнительной власти. Он назначает председателя правительства, ключевых министров, руководителя ЦБ, своих советников и потому в равной мере с правительством несет ответственность за проводимую неолиберальную политику. Сохраняющийся в течение многих лет высокий рейтинг В. В. Путина дает некоторое основание сравнивать его с Р. Рейганом, которого многие американские эксперты называли «тефлоновым», поскольку никакие скандалы не отражались на его имидже. Перманентные кризисы и резонансные уголовные дела, возбуждаемые против губернаторов, высокопоставленных чиновников в правительстве и государственных корпорациях, не только не сказываются негативно на авторитете российского Президента, но, кажется, способствуют повышению его рейтинга как непреклонного борца с коррупцией.

Постмодернистские партии, создаваемые сверху, отличаются тем, что в них лидер заменяет политическую программу, символ, бренд партии. Происходит персонализация политики. Имидж руководителя партии становится средством политической конкуренции. Провал социалистов Франции во время последних президентских и парламентских выборов был предопределен имиджем лидера этой партии и страны – Ф. Олланда. Напротив, неожиданная для многих победа «Единой России» в выборах в Госдуму в 2016 году в период пика экономического кризиса была обусловлена высоким уровнем доверия избирателей к председателю этой партии, Президенту России В. В. Путину.

Особенность сложившейся политической системы России заключается в том, что она но-

сит моноцентрический и персоналистический характер. Она напоминает, образно говоря, пирамиду, стоящую на своей вершине – острие. Вся эта властная вертикаль была создана Президентом страны в начале нулевых с целью предотвращения распада России. В основании этой пирамиды стоит Президент. Поэтому политическую систему России, несмотря на ее многопартийный характер, ассоциируют (особенно за рубежом) с В. В. Путиным (путинский режим). Заметим, что никто в мире не станет отождествлять политическую систему США или ФРГ с конкретным президентом или канцлером. Нормальная политическая система – это устойчивая конструкция, которая опирается на широкое основание пирамиды. Лидеры, находясь на вершине пирамиды, могут меняться, но устойчивая политическая система обеспечивает стабильность в государстве. Очевидно, этого нельзя сказать, когда политическая пирамида «стоит» на вершине [53; 59].

Моноцентрический, персоналистический, патримониальный характер политической власти усиливает значение субъективного фактора в истории страны. Десятки, а то и сотни миллионов людей становятся заложниками случайности – личных качеств руководителя. По мнению многих экспертов, персоналистический характер власти был одним из субъективных факторов развала Советского Союза. «Чудовищная концентрация власти в руках одного лица и нелепая система “престолонаследия” не позволяли рассчитывать на устойчивое благополучное развитие, – пишет доктор исторических наук, генерал-лейтенант СВР Н. Леонов. – Оставалось уповать на то, что по случайности страну возглавит здравомыслящий, волевой политик, имеющий ясный план развития» [24, с. 20]. А какова гарантия того, что после волевого и грамотного В. В. Путина не придет к власти человек с качествами М. Горбачева или Б. Ельцина? Существующая система политического отбора лидеров таких гарантий не дает.

Персоналистический характер современных партий способствует медиации политики. Как отмечает М. Кастельс, в настоящее время «самой эффективной формой идеологической борьбы становятся нападки на человека. Клевета и сплетни становятся важнейшим искусством в политике, ведь негативные сообщения в пять раз эффективнее позитивного» [16, с. 64]. В этой связи понятно, почему развернутая на Западе в последние годы политическая, идеологическая, информационная война против России сфокусирована на очернении и демонизации ее Президента. Вот откровение одного западного «доброжелателя» России: «Мы на Западе не

можем долго терпеть долгосрочные последствия глубоко враждебной путинской государственности – хотя бы потому, что тот, кто сменит Путина, может проводить еще более националистическую воинственную политику» [54; 57]. Как отмечает известный немецкий политолог А. Рар, «...в западных медиа я вижу новую демонизацию России. Идет подготовка населения Запада к мысли о легитимности интервенции против России на основании того, что “эти варвары” незаконно владеют ресурсами» [58]. Россия, по мысли западных идеологов, страна варваров, поскольку она не разделяет европейские ценности, не уважает гражданские права, подвергает дискриминации гомосексуалистов, национальные меньшинства и т. д. [46]. Антироссийская кампания на Западе сфокусирована прежде всего на В. В. Путина, потому что политическую пирамиду государственности легче всего свалить, убрав ее основание.

Очевидно, что такие проекты не возникают на пустом месте. Патримониальная политическая система уязвима от непубличной деятельности международных акторов, специализирующихся на «транзите демократии» в государствах с «авторитарными режимами». А условия для подготовки «цветной революции» при помощи внутренней оппозиции в стране существуют: затянувшийся глубокий экономический кризис, понизивший уровень жизни населения; запредельное для такой богатой страны как Россия социальное расслоение общества, кричащая социальная несправедливость, коррупция, неразвитые демократические институты и т. д. Судя по публичным выступлениям Президента и лидеров партии власти, политическая элита осознает такую опасность. Но будут ли приняты адекватные меры, соответствующие этим вызовам, – посмотрим.

Выводы

Сложившаяся в России в нулевые годы политическая система решила важные для страны конкретно-исторические задачи. Она предотвратила развал государства, стабилизировала в определенной мере социально-политическую ситуацию в обществе, восстановила политический суверенитет. Но нельзя добиться полноценного суверенитета и независимости государства, не принимая действенных мер по преодолению критической экономической, финансовой и особенно технологической зависимости от геополитических оппонентов. Не будь этой зависимости, Запад не стал бы принимать масштабные экономические санкции против нашей страны в силу их бессмысленности.

Семнадцать лет нахождения у власти нынешней политической элиты – достаточно большой срок для того, чтобы провести реиндустриализацию страны и создать высокотехнологичную экономику. Опыт других государств подтверждает такую возможность. Этого не произошло потому, что властвующая политическая элита и поддерживающая ее бюрократия выражают интересы тонкого слоя общества, экономическое благополучие и мировоззрение которого сформировались в результате реформ 90-х. Эта небольшая часть общества заинтересована в сохранении олигархического капитализма и существующей политики правительства.

В настоящее время Россия сталкивается с новыми и более опасными вызовами, для адекватного ответа на которые необходима иная экономика, иные, более эффективные, институты управления, иные смысложизненные ценности, фокусом которых является человек, а не деньги.

Библиографический список

1. *Авакьян С.* Конституция и Парламент: размышления по поводу юбилея // Российская Федерация сегодня. 2008. № 23. С. 2–3, 16–19.
2. *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Изд-во «Логос», 2004. 288 с.
3. *Баранец В., Гамов А.* Тайны расстрела «Белого дома» // Комсомольская правда. 2008. 3 окт. URL: <https://www.perm.kp.ru/daily/24174/385092/> (дата обращения: 12.12.2008).
4. *Галутвина О. К.* Партии и власть // Свободная мысль XXI. 2004. № 9. С. 77–86.
5. *Гессен В. М.* Основы конституционного права. Пг.: Изд. юрид. кн. склада «Право», 1918. 445 с.
6. *Добрынина Е.* Как по-русски будет счастье // Российская газета. 2017. 7 июля.
7. *Егоров И.* Сыграл на инструментах // Российская газета. 2017. 3 марта.
8. *Емельяненко Вл.* Собственная гордость // Российская газета. 2017. 29 марта.
9. *Законный брак* // Российская газета. 2009. 17 апр.
10. *Зеленко Б. И.* О правовой демократии в РФ, власти и социуме // Вопросы философии. 2013. № 10. URL: http://vphil.ru/index.php?id=834&option=com_content&task=view (дата обращения: 30.12.2013).
11. *Зорькин В.* Праворазрушители // Российская газета. 2017. 27 апр.
12. *Зыкова Т.* По большому счету // Российская газета. 2017. 25 янв.
13. *Иванов В. Н.* Приватизация: итоги и перспективы // СоцИс. 2007. № 6. С. 48–60.

14. *Ивантер В.* Вот новый разворот // Российская газета. 2016. 30 нояб.
15. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
16. *Кастельс М.* Новые индивидуальные медиа // Свободная мысль XXI. 2006. № 5. С. 62–67.
17. *Крауч К.* Постдемократия. М.: Изд. дом Гос. ун-та – ВШЭ, 2010. 192 с.
18. *Кудров В. М.* Выход из кризиса и инновационная модель экономики // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 5–15.
19. *Кунина А. Н., Рубанцова Т. А.* Проблема преодоления правового нигилизма // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань, 2016. С. 16–17. URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/181/10095/> (дата обращения: 22.07.2016).
20. *Лавренов С. Я.* Отчуждение как политико-правовое явление // Вестник Академии права и управления. 2013. № 30. С. 26–33.
21. *Лапаева В. В.* Постсоветская теория права: философские основания и их юридико-догматическая конкретизация // Проблемы постсоветской теории и философии права: сб. ст. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 146–179.
22. *Лапаева В. В.* Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции // Вопросы философии. 2010. № 5. URL: http://vphil.ru/index.php?id=136&option=com_content&task=view (дата обращения: 01.09.2010).
23. *Лапаева В. В.* Типы правопонимания: правовая теория и практика. М.: Рос. акад. правосудия, 2012. С. 315–322.
24. *Леонов Н.* «Перестройка»: четверть века спустя // Свободная мысль. 2016. № 3. С. 17–34.
25. *Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. Т. 13. С. 5–9.
26. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1960. Т. 23. 907 с.
27. *Маркс К.* Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1961. Т. 19. С. 9–32.
28. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Соч. М.: Партиздат, 1934. Т. 3. С. 7–544.
29. *Мусаелян Л. А.* Исторический процесс и глобализация. Пермь, 2016. 128 с.
30. *Мусаелян Л. А.* О цветных революциях, глобальном кризисе демократии и политической системе современной России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 3(17). С. 33–44.
31. *Примаков Е.* Стимул к переменам // Российская газета. 2010. 8 апр.
32. *Провал* медведевской реформы МВД. Кто за это ответит? // Красноярское время. URL: <http://krasvremya.ru/proval-medvedevskoj-reformy-mvd-kto-za-eto-otvetit/> (дата обращения: 12.03.2017).
33. *Реутов В. П.* Население и его представители во власти: эволюция отношений (историко-правовой аспект) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 4(34). С. 366–378. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-34-366-378.
34. *Ставка* рефинансирования ЦБ РФ на сегодня и за все годы (с 1992 по 2017). URL: <https://bankirsha.com/all-rates-of-refunding-of-the-central-bank-with-1992.html> (дата обращения: 12.03.2017).
35. *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М.: Нац. обществ.-науч. фонд, 2003. 304 с.
36. *США* и конституционный переворот в России 1993 года. URL: <http://alumni.mgimo.ru/page/adaptive/id331360/blog/3057451/?ssoRedirect=true> (дата обращения: 10.06.2017).
37. *Сырых В. М.* Российские правоведы на перепутье: материалистический рационализм или субъективный идеализм // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 75–89.
38. *Успехи* и провалы «Роснано»: в чем обвиняли руководство компании. URL: <http://www.aif.ru/dontknows/actual/1321673> (дата обращения: 25.07.2017).
39. *Фролов А. С.* Либерально-рыночный экстремизм. О стратегии развития внешнего образования в современной России // Свободная мысль. 2016. № 3. С. 71–84.
40. *Хабриева Т. Я., Лукьянова В. Ю.* Право и экономическая деятельность // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 5–21.
41. *Холодков В. М.* Структурные реформы в России и китайский опыт // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 5(38). С. 161–190.
42. *Чернобель Г. Т.* Идеологическая константность права // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 5–15.
43. *Энгельс Ф.* Письмо Й. Блоху. 21–22 сент. 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 394–395.
44. *Энгельс Ф.* Письмо К. Шмидту. 27 окт. 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 416–421.
45. *Baum R.* Barring Mao: Chinese Politics in the Age of Deng Xiaoping. Princeton: Princeton University Press, 1994. 528 p.

46. *Beck M.* Plenarrede zur Ukraine. URL: <http://marieluisebeck.de/artikel/13-03-2014/plenarrede-zur-ukraine> (дата обращения: 31.07.2014).
47. *Evans R.* Deng Xiaoping and the Making of Modern China. Penguin Books, 1995. 384 p.
48. *Frye T, Ora J, Szakonyi D.* Hitting Them with Carrots: Voter Intimidation and Vote Buying in Russia. Date Written: December 17. 2016. // URL: <https://ssrn.com/abstract=2705075> (дата обращения: 05.05.2017).
49. GDP at market prices (current US\$). Worldbank website. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/countries/1W?display=default> (дата обращения: 11.05.2016).
50. *Goldman M.* Sowing the Seeds of Democracy in China: Political Reform in the Deng Xiaoping Era. Cambridge: Harvard University Press, 1994. IX+426 p.
51. *Hale H. E.* 25 Years After the USSR: What's Gone Wrong? // *Journal of Democracy*. July 2016, Vol. 27, № 3. Pp. 24–35.
52. High-technology exports. Worldbank website. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD/countries/1W?display=default> (дата обращения: 10.05.2016).
53. *Hinz L.* Russland-Beaufragten Erler im Interview: "Putin hat einen nationalen Rauschzustand erzeugt" // *FOCUS-Online*. 28.02.2015. URL: http://www.focus.de/politik/ausland/ukraine-krise/interview-mit-dem-russland-beaufragten-erler-von-den-knienaufstehen-putin-hat-einen-nationalen-rauschzustand-erzeugt_id_4508784.html (дата обращения: 17.04.2016).
54. *Kettle M.* Russia is a hostile power, but this is not a new cold war // *The Guardian*. 24 April 2014. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/apr/24/russia-hostile-cold-war-ukraine-putin-new-strategy> (дата обращения: 21.05.2016).
55. *Kissinger H.* World order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History. Washington: Penguin Press HC, 2014. 432 p. URL: <https://www.amazon.com/World-Order-Reflections-Character-Nations-ebook/dp/B00MQA50O4> (дата обращения: 30.12.2014).
56. Major Foreign Holders of Treasury securities. URL: ticdata.treas.gov/Publish/mth.txt (дата обращения: 26.06.2017).
57. *Onyszkiewicz J.* Putin's Russia: an empire that wants to be a civilization // *European Leadership Network*. 2 March 2015. URL: http://www.europeanleadershipnetwork.org/putins-russia-an-empire-that-wants-to-be-a-civilization_2480.html (дата обращения: 10.05.2016).
58. *Rahr A.* Deutschlands Ostpolitik hat die Balance verloren // *Spiegel-Online* — Politik. 18.03.2013. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/alexander-rahr-deutschlands-ostpolitik-hat-die-balance-verloren-a-889270.html> (дата обращения: 21.07.2014).
59. *Schockenhoff*: Russland ist auf Gasexporte angewiesen // *Deutschlandfunk*. 16.06.2014. URL: http://www.deutschlandfunk.de/gasstreit-ukraine-russland-schockenhoffrussland-ist-auf-694.de.html?dram:article_id=289230 (дата обращения: 16.05.2016).
60. *Science and Engineering Indicators 2016* // The National Science Foundation, NSF. URL: <http://www.nsf.gov/statistics/2016/nsb20161/#/digest> (дата обращения: 24.05.2016).
61. *The World Factbook* // CIA website. // URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/ja.html> (дата обращения: 04.05.2016).

References

1. *Avak'yan S.* *Konstitutsiya i Parlament: razmyshleniya po povodu yubileya* [Constitution and Parliament: Reflections on the Anniversary]. *Rossiyskaya federatsiya segodnya* – Russian Federation Today. 2008. Issue 23. Pp. 2–3, 16–19. (In Russ.).
2. *Balibar E., Wallerstein I.* *Rasa, natsiya, klass. Dvumyslennye identichnosti* [Race, Nation, Class. Ambiguous Identities]. Moscow, 2004. 288 p. (In Russ.).
3. *Baranets V., Gamov A.* "Tayny rasstrela "Belogo doma"" [Secrets of the Shooting of the "White House"]. *Komsomol'skaya Pravda*. 2008. 3 October. Available at: <https://www.perm.kp.ru/daily/24174/385092/> (accessed 12.12.2008). (In Russ.).
4. *Galutvina O. K.* *Partii i vlast'* [Parties and Regime]. *Svobodnaya mysl' XXI* – Free Thought XXI. 2004. Issue 9. Pp. 77–86 (In Russ.).
5. *Gessen V. M.* *Osnovy konstitutsionnogo prava* [Basics of Constitutional Law]. Petrograd, 1918. 445 p. (In Russ.).
6. *Dobrynina E.* *Kak po-russki budet schast'e* [What' the Russian for Happiness]. *Rossiyskaya gazeta* – Russian Gazette. 2017. 7 July. (In Russ.).
7. *Egorov I.* *Sygral na instrumentakh* [One Played Some Instruments]. *Rossiyskaya gazeta* – Russian Gazette. 2017. 3 March. (In Russ.).
8. *Emel'yanenko Vl.* *Sobstvennaya gordost'* [One's Own Pride]. *Rossiyskaya gazeta* – Russian Gazette. 2017. 29 March. (In Russ.).
9. *Zakonnyy brak* [Marriage in Law]. *Rossiyskaya gazeta* – Russian Gazette. 2009. 17 April. (In Russ.).
10. *Zelenko B. I.* *O pravovoy demokratii v RF, vlasti i sotsiume* [On Legal Democracy, Regime and Society]. *Voprosy filosofii* – Problems of

- Philosophy. 2013. Issue 10. Available at: http://vphil.ru/index.php?id=834&option=com_content&task=view (accessed 30.12.2013). (In Russ.).
11. Zor'kin V. *Pravorazrushiteli* [Destroyers of Law]. *Rossiyskaya gazeta – Russian Gazette*. 2017. 27 April. (In Russ.).
 12. Zylova T. *Po bol'shomu schetu* [Generally Speaking]. *Rossiyskaya gazeta – Russian Gazette*. 2017. 25 January. (In Russ.).
 13. Ivanov V. N. *Privatizatsiya: itogi i perspektivy* [Privatization: Results and Outlook]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2007. Issue 6. Pp. 48–60. (In Russ.).
 14. Ivanter V. *Vot novyy razvorot* [Here is a New Turn]. *Rossiyskaya gazeta – Russian Gazette*. 2016. 30 November. (In Russ.).
 15. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, 2000. 608 p. (In Russ.).
 16. Castells M. *Novye individual'nye mass-media* [New Individual Mass-Media]. *Svobodnaya mysl' XXI – Free Thought XXI*. 2006. Issue 5. Pp. 62–67. (In Russ.).
 17. Crouch C. *Postdemokratiya* [Post-Democracy]. Moscow, 2010. 192 p. (In Russ.).
 18. Kudrov V. M. *Vykhod iz krizisa i innovatsionnaya model' ekonomiki* [Economic Recovery and Innovative Model of Economy]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 2013. Issue 4. Pp. 5–15. (In Russ.).
 19. Kunina A. N., Rubantsova T. A. *Problema preodoleniya pravovogo nigilizma* [The Problem of Overcoming Legal Nihilism]. *Yuridicheskie nauki: problemy i perspektivy. Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii – Legal science: problems and prospects. Proceedings of IV International Scientific Conference*. Kazan, 2016. Pp. 16–17. Available at: <https://moluch.ru/conf/law/archive/181/10095/> (accessed 22.07.2016) (In Russ.).
 20. Lavrenov S. Ya. *Otchuzhdenie kak politiko-pravovoe yavlenie* [Alienation as Political and Legal Phenomenon]. *Vestnik Akademii prava i upravleniya – Bulletin of Academy of Law and Management*. 2013. Issue 30. Pp. 26–33. (In Russ.).
 21. Lapaeva V. V. *Postsovetskaya teoriya prava: filosofskie osnovaniya i ikh yuridiko-dogmaticheskaya konkretizatsiya* [Post-Soviet Theory of Law: Philosophical Foundations and Their Juridical-Dogmatic Concretization]. *Problemy postsovetskoy teorii i filosofii prava: sb. statey – Problems of Post-Soviet Theory and* *Philosophy of Law*. Moscow, 2016. Pp. 146–179. (In Russ.).
 22. Lapaeva V. V. *Rossiyskaya filosofiya prava v kontekste zapadnoy filosofsko-pravovoy traditsii* [Russian Philosophy of Law in the Context of Western Philosophical and Legal Tradition]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 2010. Issue 5. Available at: http://vphil.ru/index.php?id=136&option=com_content&task=view (accessed 01.09.2010). (In Russ.).
 23. Lapaeva V. V. *Tipy pravoponimaniya: pravovaya teoriya i praktika* [Types of Understanding Law: Legal Theory and Practice]. Moscow, 2012. Pp. 315–322. (In Russ.).
 24. Leonov N. *«Perestroyka»: chetvert' veka spustya* [«Perestroika»: a Quarter of a Century Later]. *Svobodnaya mysl' XXI – Free Thought XXI*. 2016. Issue 3. Pp. 17–34. (In Russ.).
 25. Marx K. *K kritike politicheskoy ekonomii. Predislovie* [A Contribution to the Critique of Political Economy. Preface]. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Moscow, 1959. Vol. 13. Pp. 5–9. (In Russ.).
 26. Marx K. *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii* [Capital: Critique of Political Economy.] Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Moscow, 1960. Vol. 23. 907 p. (In Russ.).
 27. Marx K. *Kritika Gotskoy programmy* [Critique of the Gotha Programme]. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Moscow, 1961. Vol. 19. Pp. 9–32. (In Russ.).
 28. Marx K., Engels F. *Nemetskaya ideologiya* [The German Ideology] Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Moscow, 1934. Vol. 3. Pp. 7–544. (In Russ.).
 29. Musaelyan L. A. *Istoricheskiy protsess i globalizatsiya* [Historical Process and Globalization]. Perm, 2016. 128 p. (In Russ.).
 30. Musaelyan L. A. *O tsvetnykh revolyutsiyakh, global'nom krizise demokratii i politicheskoy sisteme sovremennoy Rossii* [About the Color Revolutions, the Global Crisis of Democracy and Political System of Modern Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2012. Issue 3 (17). Pp. 33–44. (In Russ.).
 31. Primakov E. *Stimul k peremenam* [Incentive to Changes]. *Rossiyskaya gazeta – Russian Gazette*. 2010. 8 April. (In Russ.).
 32. Proval medvedevskoy reformy MVD. *Kto za eto otvetit?* [The Failure of Medvedev's Police Reform. Who Will Answer for This?]. *Krasnoyarskoe vremya – Krasnoyarsk Time*. Available at: <http://krasvremya.ru/proval-medvedevskoy-reformy-mvd-kto-za-eto-otvetit/> (accessed 12.03.2017). (In Russ.).

33. Reutov V. P. *Naselenie i ego predstaviteli vo vlasti: evolyutsiya otnosheniy (istoriko-pravovoy aspekt)* [Population and its Representatives in the Government: Evolution of Relations (Historical and Legal Aspects)]. *Vestnik Perm'skogo universiteta. Yuridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2016. Issue 4(34). Pp. 366–378. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2016-34-366-378.
34. *Stavka refinansirovaniya TsB RF na segodnya i za vse gody (s 1992 po 2017)* [The Refinancing Rate of the Central Bank of the Russian Federation Today and for All the Years (from 1992 to 2017)]. Available at: <https://bankirsha.com/all-rates-of-refunding-of-the-central-bank-with-1992.html>. (In Russ.).
35. Stiglitz J. *Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii* [Globalization and Its Discontents]. Moscow, 2003. 304 p. (In Russ.).
36. *SShA i konstitutsionnyy perevorot v Rossii 1993 goda* [The USA and the Constitutional Coup in Russia in 1993]. Available at: <http://alumni.mgimo.ru/page/adaptive/id331360/blog/3057451/?ssoRedirect=true> (accessed 10.06.2017) (In Russ.).
37. Syrykh V. M. *Rossiyskie pravovedy na pereput'ye: materialisticheskii ratsionalizm ili sub'ektivnyy idealizm* [Russian Jurists at the Crossroads: Materialistic Rationalism or Subjective Idealism?]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2016. Issue 1. Pp. 75–89. (In Russ.).
38. *Uspekhi i provaly "Rosnano": v chem obviynali rukovodstvo kompanii* [Successes and Failures of "Rusnano": What was the Management of the Company Accused of?]. Available at: <http://www.aif.ru/dontknows/actual/1321673> (accessed 25.07.2017). (In Russ.).
39. Frolov A. S. *Liberal'no-rynochnyy ekstremizm. O strategii razvitiya vneshnego obrazovaniya v sovremennoy Rossii* [Liberal Market Extremism. Strategy of the Development of External Education in Modern Russia]. *Svobodnaya mysl' XXI* – Free Thought XXI. 2016. Issue 3. Pp. 71–84. (In Russ.).
40. Khabrieva T. Ya., Luk'yanova V. Yu. *Pravo i ekonomicheskaya deyatelnost'* [Law and Economic Activity]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* – Social Sciences and Contemporary World. 2016. Issue 3. Pp. 5–21. (In Russ.).
41. Kholodkov V. M. *Strukturnye reformy v Rossii i kitayskiy opyt* [Structural Reforms in Russia and the Chinese Experience]. *Problemy natsional'noy strategii* – National Strategy Issues. 2016. Issue 5 (38). Pp. 161–190. (In Russ.).
42. Chernobel' G. T. *Ideologicheskaya konstantnost' prava* [Ideological Constancy of Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2016. Issue 2. Pp. 5–15. (In Russ.).
43. Engels F. *Pismo Y. Blokhu. 21–22 sent. 1890 g.* [A Letter to J. Bloch. September 21–22, 1890]. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Moscow, 1965. Vol. 37. Pp. 394–395. (In Russ.).
44. Engels F. *Pismo K. Shmidt. 27 okt. 1890 g.* [A Letter to Conrad Schmidt. October 27, 1890]. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Moscow, 1965. Vol. 37. Pp. 416–421. (In Russ.).
45. Baum R. *Burring Mao: Chinese Politics in the Age of Deng Xiaoping*. Princeton, 1994. 528 p. (In Eng.).
46. Beck M. *Plenarrede zur Ukraine*. Available at: <http://marielusebeck.de/artikel/13-03-2014/plenarrede-zur-ukraine> (accessed 31.07.2014) (In Germ.).
47. Evans R. *Deng Xiaoping and the Making of Modern China*. 1995. 384 p. (In Eng.).
48. Frye T., Ora J., Szakonyi D. *Hitting Them with Carrots: Voter Intimidation and Vote Buying in Russia*. Date Written: 17 December 2016. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2705075> (accessed 05.05.2017) (In Eng.).
49. *GDP at market prices (current US\$)*. World Bank website. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/countries/1W?display=default> (accessed 11.05.2016) (In Eng.).
50. Goldman M. *Sowing the Seeds of Democracy in China: Political Reform in the Deng Xiaoping Era*. Cambridge, 1994. IX. 426 p. (In Eng.).
51. Hale H. E. *25 Years After the USSR: What's Gone Wrong?* *Journal of Democracy*. 2016. Vol. 27. Issue 3. Pp. 24–35. (In Eng.).
52. *High-technology exports*. World Bank website. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD/countries/1W?display=default> (accessed 10.05.2016) (In Eng.).
53. Hinz L. *Russland-Beauftragten Erler im Interview: "Putin hat einen nationalen Rauschzustand erzeugt"*. *FOCUS-Online*. 28.02.2015. Available at: http://www.focus.de/politik/ausland/ukraine-krise/interview-mit-dem-russland-beauftragten-erler-von-den-knienaufstehen-putin-hat-einen-nationalen-rauschzustand-erzeugt-id_4508784.html (accessed 17.04.2016) (In Germ.).
54. Kettle M. *Russia is a hostile power, but this is not a new cold war*. *The Guardian*. 2014. 24 April. Available at: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/apr/24/russia-hostile-cold-war-ukraine-putin-new-strategy> (accessed 21.05.2016) (In Eng.).
55. Kissinger H. *World order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History*. Washington, 2014. 432 p. Available at: <https://>

- www.amazon.com/World-Order-Reflections-Character-Nations-ebook/dp/B00MQA50O4 (accessed 30.12.2014) (In Eng.).
56. *Onyszkiewicz J.* Putin's Russia: an empire that wants to be a civilization. European Leadership Network. 2015. 2 March. Available at: http://www.europeanleadershipnetwork.org/putins-russia-an-empire-that-wants-to-be-a-civilization_2480.html (accessed 10.05.2016) (In Eng.).
57. Major Foreign Holders of Treasury securities. Available at: ticdata.treas.gov/Publish/mth.txt. (accessed 26.06.2017) (In Eng.).
58. *Rahr A.* Deutschlands Ostpolitik hat die Balance verloren. Spiegel-Online – Politik. 2013. 18 March. Available at: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/alexander-rahr-deutschlands-ostpolitik-hat-die-balance-verloren-a-889270.html> (accessed 21.07.2014). (In Germ.).
59. Schockenhoff: Russland ist auf Gasexporte angewiesen. Deutschlandfunk. 16.06.2014. Available at: http://www.deutschlandfunk.de/gasstreit-ukraine-russland-schockenhoffrussland-ist-auf.694.de.html?dram:article_id=289230 (accessed 16.05.2016). (In Germ.).
60. *Science and Engineering Indicators 2016.* The National Science Foundation, NSF. Available at: <http://www.nsf.gov/statistics/2016/nsb20161/#/digest> (accessed 24.05.2016). (In Eng.).
61. *The World Factbook.* CIA website. Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/ja.html> (accessed 04.05.2016). (In Eng.).